

И вотъ хотя не стало среди насъ творца истинно русской школы, но сама она стоитъ твердо, какъ яркій свидѣтель плодотворности его жизни. Обозрѣвая все сдѣланное незабвеннымъ С. А. для народнаго просвѣщенія, и принимая во вниманіе его огромное нравственное вліяніе на многочисленныхъ сотрудниковъ святаго жизненнаго дѣла, чувствуешь въ себѣ право сказать: нѣтъ, и послѣ своей смерти *Рачинскій живъ*.

Живъ онъ какъ свѣтлый типъ мудреца педагога хрістіанина въ истинномъ смыслѣ этого слова, до послѣднихъ минутъ сохранившаго любовь и вѣрность добровольно избранному дѣлу. Живъ онъ какъ неопровержимое доказательство, что широкая образованность вполне уживается со смиреннымъ настроеніемъ хрістіанина, горячо преданнаго Православной Церкви...

Живъ онъ въ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ о немъ лицъ его знавшихъ. Живъ — въ жизненныхъ литературныхъ трудахъ, которые, вѣрится, переживутъ наше поколѣніе, и въ тѣхъ безчисленныхъ, полныхъ мудрости и задушевныхъ письмахъ, что изъ скромнаго Татева летѣли въ разные концы обширной Руси. Живъ онъ въ томъ свѣтломъ, бодромъ настроеніи его вѣрныхъ послѣдователей и подражателей, которое они у него же заимствовали, чтобы свято послужить имъ любимой и имъ же взлелѣянной школѣ. Живъ онъ, наконецъ, въ томъ замѣтномъ ростѣ нашей церковной школы, сѣмена которой, безъ преувеличенія можно сказать, политы потомъ его самоотверженнаго, проникнутаго глубокимъ убѣжденіемъ труда!...

Свящ. В. Востоковъ.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе 1).

Наступало лѣто 1897 года. О. Михайлъ, утомленный невзгодами послѣдняго времени, нуждался въ отдыхѣ. Онъ уже нашель себѣ дачу, перевезъ туда книги, мечталъ уѣхать съ семьей изъ Москвы тотчасъ послѣ экзаменовъ, какъ святитель Сергій вызвалъ его къ себѣ и сталъ просить потрудиться въ теченіе лѣта на предстоявшихъ второклассныхъ курсахъ. Организациія курсовъ требовала особенно внимательнаго отношенія къ себѣ: надо было не только положить правильныя основы, но и умѣло примѣнить ихъ къ дѣлу, надо было создать для курсовъ добрыя традиціи.

Трудность положенія увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что слушателями курсовъ были не простые учащіяся, а люди уже взрослые, со своимъ собственнымъ мнѣніемъ и сужденіемъ, уже занимающіе извѣстное, хотя и скромное общественное положеніе и уже сами не новички на педагогическомъ поприщѣ. Особенно важенъ былъ правильный выборъ руководителя курсовъ. Нуженъ былъ человекъ, который импонировалъ бы слушателямъ не оффиціальнымъ званіемъ своимъ „инспектора курсовъ“, а своими нравственными, умственными и научными достоинствами... Нельзя не удивляться въ этомъ случаѣ прозор-

1) См. № 7.

ливости и мудрости покойнаго Московскаго святителя. Въ самомъ дѣлѣ, о. Михаилъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы сразу поставить курсы на надлежащую ногу, сдѣлать такъ, чтобы приглашенныя на нихъ лица увидѣли въ нихъ не новое бремя, возлагаемое на нихъ взаменъ лѣтняго отдыха, а великую пользу и для себя и для дѣла, которому они служатъ. Здѣсь прежде всего важны были уже отмѣченныя нами ранѣе свойства личнаго характера о. Михаила: его способность юношески увлекаться взятымъ на себя дѣломъ, до самозабвенія уходить въ него, его удивительная способность сближаться съ людьми, сразу становиться въ простыя, человѣческія отношенія съ ними. Къ этому слѣдуетъ присоединить его многолѣтнюю педагогическую опытность, его обширныя познанія и въ Законѣ Божіемъ, и въ исторіи,—предметы, преподаваніе которыхъ онъ взялъ на курсахъ на себя, его умѣнье пластично, картинно и въ высшей степени ясно излагать трактуемый предметъ,—результатъ его художественнаго дарованія, наконецъ—и что важнѣе всего—его глубокую вѣру, что дѣло народнаго образованія есть прежде всего дѣло православной Церкви, что переживаемый нами историческій моментъ, пробуждающееся народное самосознаніе, есть именно то время, когда сѣкира уже лежитъ при корнѣ, и что упустить этотъ моментъ и отдать дѣло народнаго образованія въ другія руки, съ противоположными идеалами, значило бы толкнуть народъ въ бездну, свести его съ его вѣковыхъ путей на окольные дороги и заставить его измѣнить своему призванію, какъ народа-богоносца, какъ новаго Израиля,—призванію, въ которое о. Михаилъ вѣровала

всѣми силами своей души. Очевидно, умудренный жизненнымъ опытомъ, глубокой умъ почившаго Московскаго архипастыря прекрасно понималъ о. Михаила. О. Михаилъ такъ благоговѣлъ предъ владыкою, что не посмѣлъ даже и намекнуть о необходимомъ отдыхѣ. Безъ колебаній и сомнѣній принялъ онъ на себя тотъ подвигъ, къ которому призывалъ его высокочтимый имъ святитель. Мы смѣло говоримъ: „подвигъ“, ибо иначе нельзя и назвать того чисто юношескаго пыла, той, чуть не до безразсудства доведенной траты силъ, которую внесъ онъ въ порученное дѣло. Помимо лекторства по двумъ предметамъ, что уже само по себѣ представляло для утомленнаго зимнимъ трудомъ и пережитыми испытаніями человека большой трудъ, онъ сдѣлался для курсистовъ всѣмъ, чѣмъ хотите: нянькой, опекуномъ, совѣтникомъ, руководителемъ, слилъ, однимъ словомъ, свое существованіе съ существованіемъ своихъ подчиненныхъ. Не говоря уже о деревнѣ, онъ отказался жить и на своей зимней квартирѣ въ Филаретовскомъ училищѣ, а переселился въ зданіе Московской духовной семинаріи, гдѣ остановились курсисты, и прожилъ здѣсь бокъ-о-бокъ съ ними все лѣто въ одной душной комнатѣ, лишенный привычныхъ удобствъ правильно устроенной домашней жизни. Все время, свободное отъ лекцій, онъ проводилъ въ бесѣдахъ съ курсистами о всемъ, что волновало и тревожило ихъ педагогическую или человѣческую совѣсть, и какихъ-какихъ только вопросовъ не было затронуто на этихъ бесѣдахъ и сколько добрыхъ, на всю жизнь проникающихъ совѣтовъ успѣлъ посѣять о. Михаилъ, въ это знаменательное въ его жизни лѣто 1897 г. въ сердцахъ

своихъ молодыхъ, еще чуткихъ ко всякому доброму призыву, собесѣдниковъ! Мы не станемъ говорить уже о томъ поразительномъ успѣхѣ, который имѣла дѣятельность о. Михаила, какъ лектора по Закону Божію и исторіи. По общему отзыву слушателей, его слово было въ данномъ случаѣ какъ золото, которое онъ искусно выбиралъ изъ общей массы педагогическихъ словъ и опредѣленій. Онъ умѣлъ пойти и дальше, умѣлъ быть полезенъ и самимъ слушателямъ, въ ихъ личной жизни, для собственной души ихъ. Вотъ, напр., какія мысли встрѣтили мы, перелистывая дневники бывшихъ слушателей курсовъ 1897 года.

„Лекціи по Закону Божію производятъ сильное впечатлѣніе: отраднo присутствовать при живыхъ рѣчахъ убѣжденнаго человѣка. Какъ то невольно и незамѣтно является въ эти счастливыя минуты духъ вѣры глубокой, сильной... Но къ великому прискорбію, часто нападаетъ духовное расслабленіе, безконечная тоска, тяжелая скорбь... *Является желаніе видѣть въ лекторѣ не только совѣтника въ занятіяхъ, но и руководителя въ жизни*“.

А вотъ другой отзывъ:

„Вечеромъ батюшка въ занятой комнатѣ отечески бесѣдовалъ съ нами о преподанномъ имъ урокъ и о таинствѣ причащенія. *За послѣднюю бесѣду я долженъ быть признателенъ на всю жизнь, такъ какъ рѣшенъ былъ такой вопросъ, который часто волновалъ меня въ теченіе четырехъ лѣтъ*“...

Курсы прошли блестяще: учителя и учительницы такъ привязались къ своему руководителю, что плакали разставаясь съ нимъ... Они поднесли ему икону Спасителя въ серебряной ризѣ, а его супругѣ потретъ о. Михаила рисованный съ карточки однимъ изъ курсистовъ же.

Вотъ съ какимъ прощальнымъ привѣтствіемъ обратился одинъ изъ слушателей курсовъ, Д. О. Бажановъ, разставаясь со своимъ руководителемъ:

„Досточтимый о. инспекторъ! мы много обязаны вамъ. Возвратившись въ свои школы, станемъ мы вспоминать васъ, ваши бесѣды, ваше вниманіе, ваши лекціи, ваше сочувствіе, вашу любовь. Вы вникали въ каждую нашу мысль и разбирали всякое чувство. *Вашъ образъ вошелъ въ нашу душу и сталъ незабвеннымъ*. Каждое ваше слово въ школѣ станетъ намъ еще дороже. Оно будетъ утѣшать насъ въ тѣ мучительные часы глубокой грусти, которые иногда наступаютъ въ избѣ учителя, когда у сердца нѣтъ близкаго человѣка, который могъ бы понять скорбь и раздѣлить крестъ грустной мысли или тяжелаго чувства. Теперь, когда возникнетъ это тяжелое чувство, мы станемъ вспоминать васъ и каждое ваше слово, и то, какъ вы называли труды наши *подвигомъ*. Безъ внутренняго волненія мы не могли слышать отъ васъ это слово. Мы постараемся, чтобы трудъ нашъ былъ подвигомъ дѣятельной, разумной Христовой любви къ дѣтямъ и людямъ. И, вѣрится мнѣ, это будетъ для васъ лучшей наградой“.

О. Михаилъ отвѣчалъ на эту рѣчь между прочимъ слѣдующими словами:

„Я слышалъ сейчасъ ваши добрыя, теплыя рѣчи обо мнѣ, и теперь мнѣ стыдно признаться, что я съ крайнею неохотой, съ печалью въ сердцѣ о потерянномъ лѣтнемъ отдыхѣ, принялъ на себя обязанность руководить нашими курсами. Если я вскорѣ же отдался душой общему труду, причиною тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданно, но глубоко тронули мое сердце, когда я встрѣтился съ молодымъ и честнымъ стремленіемъ

вашимъ къ полезному труду, съ вашей жаждой дѣйствительной пользы отъ курсовъ. Возможно ли было не откликнуться на это, возможно ли было обмануть ваши надежды? И чѣмъ больше знакомился я съ вами, чѣмъ больше наблюдалъ, съ какою неутомимостію, съ какимъ все возрастающимъ интересомъ вы отдавались труду, несмотря на убійственно жаркіе дни, тѣмъ больше свѣтлѣло у меня на душѣ. Меня уже потянуло къ вамъ, я уже радъ былъ находиться среди васъ, мнѣ уже отрадно было бесѣдовать съ вами, и я точно самъ молодѣлъ душой среди оживленныхъ и привѣтливыхъ лицъ, и мнѣ припоминались иные годы, и въ душѣ звучали инныя пѣсни... И вотъ теперь насталъ всему конецъ! Прощайте! Горько думать, что со многими изъ васъ, можетъ быть, приходится прощаться навсегда!

„Мы вернемся къ своимъ обычнымъ занятіямъ, мы останемся въ городѣ, при всѣхъ удобствахъ матеріальной и духовной жизни, а—вы?“

„Вамъ предстоитъ одинокій деревенскій трудъ, вамъ предстоитъ борьба съ тяжелой нуждой, съ лишеніями, съ разнаго рода помѣхами въ темной деревенской средѣ. Эта дума не разъ омрачала мнѣ душу, и тѣмъ болѣе трогало меня то, что вы совсѣмъ почти не говорили со мной о своихъ нуждахъ, но одушевлялись всякій разъ, когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, объ ихъ успѣхахъ, объ интересахъ школы, о народномъ образованіи... Спасибо вамъ за это! Я убѣдился, что въ огромномъ большинствѣ вы любите ваше дѣло. Господь да поддержитъ васъ въ этомъ святомъ стремленіи положить свои молодыя силы на дѣло, полезнѣе котораго теперь нѣтъ на святой Руси!..“

„Вѣрьте въ ваше святое служеніе, продолжайте любить его всѣми силами юной души. Не смущайтесь тѣмъ, что вамъ, можетъ быть, не придется увидеть осязательныхъ плодовъ вашего труда,—трудитесь въ вѣрующемъ самоотреченіи, твердо надѣясь на то, что вашъ трудъ все-таки не пропадетъ даромъ, что въ вашемъ трудѣ выше всего и прежде всего — воля Господня, что Божіе Провидѣніе, безъ воли коего и воробей не упадетъ съ кровли, и волосъ не спадетъ съ головы, витаетъ надъ всякою истинною мыслию, надъ каждымъ честнымъ, въ духѣ истины сказаннымъ словомъ, надъ каждымъ честнымъ, добрымъ стремленіемъ.“

„Говорятъ, хорошо такъ разсуждать при полной обеспеченности, при благопріятныхъ условіяхъ жизни... А при скудномъ жалованьи, при нетопленной избѣ, при недостаткѣ въ самомъ необходимомъ... Что жъ? Развѣ мы всѣ не болѣемъ душою при мысли объ этомъ?! Развѣ нѣтъ у насъ сочувствія къ вамъ? Но—повѣрьте, что есть люди и вполне обеспеченные, и все-таки ничего не дѣлающіе или относящіеся слегка, равнодушно къ своему дѣлу. Успѣхъ всякаго дѣла менѣе всего зависитъ отъ матеріальнаго достатка, хотя мы вовсе не отвергаемъ его необходимости. Всякое истинно живое дѣло творитъ любовь, святое одушевленіе, окрыленное молитвой и надеждой на помощь свыше...“

„Простите, что я, можетъ быть, утомилъ васъ своимъ словомъ... Но сердце не легко успокоивается при разлукѣ! И не хочется говорить этого слова! Нѣтъ! Проведенные дни соединили насъ, вы будете жить въ душѣ у насъ, мы навсегда останемся благодарны вамъ за тѣ свѣтлыя, добрыя чувства, которыя пробудились въ нашемъ сердцѣ!..“

„И если въ деревенской глуши, среди трудовой работы—у васъ воскреснетъ воспоминаніе о настоящемъ лѣтѣ, если въ душѣ у васъ шевельнется еще теплое чувство къ намъ, знайте,—мы услышимъ его! „Сердце сердцу вѣсть подаетъ“, не нуждаясь ни въ телеграфѣ, ни въ телефонахъ!“

Нужно ли прибавлять, что послѣ курсовъ 1897 г. у о. Михаила установились по отношенію къ бывшимъ его слушателямъ не только тѣ отношенія, о которыхъ онъ говорилъ въ концѣ своей рѣчи. Издавна, уже съ молодыхъ лѣтъ его жизни его домъ служилъ мѣстомъ собранія и братскаго единенія всѣхъ его кровныхъ родныхъ. Съ осени 1897 г. его домашній

очагъ приобрѣлъ и другое значеніе: кромѣ близкихъ родныхъ, братьевъ и сестеръ, несшихъ къ знакомому и дорогому огоньку всякую свою мысль и намѣреніе, подъ кровомъ его пенатовъ появилась и другая, не менѣе, чѣмъ кровная, дорогая ему семья: учителя церковно-приходскихъ школъ. И надо было видѣть только одному о. Михаилу свойственное радушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ его сердцу гостей.

Усталый, но духовно удовлетворенный, о. Михаилъ удалился послѣ курсовъ на свою дачу— всего на нѣсколько дней...

(Продолженіе будетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

(Продолженіе)¹⁾

16 Августа. Все минувшее лѣто работалъ я въ полѣ съ своимъ отцомъ, а свободные праздничные дни посвящалъ чтенію книгъ, раздобытыхъ мною кое-гдѣ у моихъ знакомыхъ. Прочиталъ я, между прочимъ, книгу „Очеркъ исторіи церк.-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени“ С. Мирнопольскаго; прочиталъ съ удовольствіемъ, потому что книга эта раскрыла предо мною всю жизнь церковной школы со дня ея появленія на свѣтъ Божій и до нынѣ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, прослуживъ почти цѣлый учебный годъ учителемъ церковно-приходской школы, я вовсе еще не былъ знакомъ съ ея исторіей, по-

чему типъ этой школы представлялся мнѣ новымъ, совершенно не имѣющимъ своего историческаго прошлаго. Сосѣдки моей школы въ селахъ Свищевѣ и Семивражкахъ, нашедшія себѣ пріютъ въ полуразвалившихся церковныхъ сторожкахъ, лишеныя болѣе или менѣе сносныхъ матеріальныхъ удобствъ, какъ и моя Абашевская, скверно отопляемая и плохо содержимая, наводили меня на мысль не въ пользу церк. пр. школъ. Я сталъ представлять себѣ эти школы чѣмъ-то мизернымъ, слабенькимъ, недолговѣчнымъ, однимъ словомъ—такими существами, на которыхъ мало кто обращаетъ серьезное вниманіе и почти никто не старается улучшить ихъ матеріальный бытъ. Церковно-приходская

¹⁾ См. № 7.